

НАТАЛИЯ
ТЕРЕНТЬЕВА

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ
НАТАЛИИ ТЕРЕНТЬЕВОЙ

БЕДНЫЙ БОБИК
СОЛНЦЕ НА АНТРЕСОЛЯХ
КУДА УЛЕТАЮТ АНГЕЛЫ
ЛАСТОЧКА
МАРИМБА!
МОЙ ЧЕЛОВЕК
НАРИСУЙ МНЕ В НЕБЕ СОЛНЦЕ
ПОХОЖАЯ НА ЧЕЛОВЕКА И УДИВИТЕЛЬНАЯ
ПТИЦА, ЛЕТЯЩАЯ К НЕБУ
СИБИРСКИЙ ПАПА
СИНДРОМ ОТСУТСТВУЮЩЕГО ЁЖИКА
СТРАСТИ ПО МИТРОФАНУ
ТАНЦУЮЩАЯ НА ВЕТРУ
ТВОЯ ЗВЕЗДА
УЧИЛКА
ФЕЕЧКА
ЧИСТАЯ РЕЧКА

НАТАЛИЯ
ТЕРЕНТЬЕВА

ПТИЦА,
ЛЕТЯЩАЯ
К НЕБУ

Издательство АСТ
Москва

Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков:
итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби.

Евангелие от Матфея, 10:16

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Минуты тянулись длинной нескончаемой вереницей, застывали и никак не складывались в часы.

— Тина, Тина! Эй, Кулебяка! Кри-и-ис! — Плужин безуспешно пытался привлечь мое внимание разными способами. Шипел, свистел, звал на разные лады, шептал ерунду, бросал в меня ластиком, карандашом.

— Плужин, ты успокойся? — Нина Ивановна, печатавшая нам тест, подняла голову от ксерокса. — Что ты хочешь? Тебя выключить?

— Себя выключи... — негромко, но внятно проговорил с последней парты Сомов, человек неуправляемый и опасный.

Нина Ивановна пропустила его замечание мимо ушей. Как и большинство учителей, она старается вообще не обращать на него внимания. Себе дороже.

Плужин наконец попал мне в голову карандашом, мне пришлось обернуться.

— У тебя тапки разные! — прошептал он.

— Плужин! — повысила голос Нина Ивановна. — Сейчас есть шанс повторить три последние темы, на которые будет контрольная. А ты чем занят? Что ты не успокоишься никак?

— Это... у Кулебяки... у Кулебиной ботинки разные, гы-гы-гы... — Плужин стал смеяться, оглядываясь, призывая и остальных к веселью.

Кто-то из мальчиков, не вдаваясь, в чем дело, тут же заржал. Сомов лениво выматерился, и почему-то в общем шуме его липкий бессмысленный мат был очень хорошо слышен.

Нина Ивановна цыкнула на всех сразу и, продолжая быстро раскладывать тесты по вариантам, мельком взглянула на него, на меня, перевела взгляд на мои ноги, я задвинула их как можно дальше под стул.

— Кулебина, помоги-ка мне тесты разложить. И посчитай народ, сколько на втором варианте сидит? Не пересаживаться! — прикрикнула она на девочек, которые, пользуясь заминкой, пытались быстро поменяться, пересесть так, чтобы оказаться в одном варианте с нашей отличницей, крупной, тяжелой Норой Иванян, единственным человеком, с которым я пока поделилась своими странными новостями.

Поделилась и жалею, потому что Нора, человек большой и добрый, но очень необычный, всё время смотрит теперь на меня долгим взглядом, в котором много жалости, печали, понимания, в общем, всего, отчего мне хочется свернуться в клубочек, закатиться под стул и совсем исчезнуть. Чтобы возродиться в новой жизни кем-нибудь другим. Не Тиной Кулебиной, у которой одна нога к четырнадцати годам оказалась короче другой. Или так — одна нога длиннее другой. Так позитивнее, мне пытался объяснить врач, который определил это и выписал мне носить особый ботинок, удлиняющий ногу и заставляющий своей тяжестью ее расти.

Мама моя пока просто отчаивается, плачет и ничего не объясняет. Папа же только повторяет: «Я в шоке, я в шоке», — и легко матерится. Папа всегда от слабости матерится, так говорит мама.

Мама моя человек верующий, а папа — нет. Маме ее вера не разрешает плакать и убиваться, потому что всё, что происходит на земле, даже самое плохое, это от нашего Бога, который лучше знает, кому что нужно, и за всем следит. Но мама всё равно плачет, потому что не может пережить мое неожиданное уродство.

Мама плачет и молится, просит прощения у Бога за слезы и недостаточную веру, а также просит за меня, чтобы у меня поскорее выросла вторая нога, если Бог сочтет это нужным, папа вздыхает и разводит руками, а Вова, мой стар-

ший брат, смеется. И мне советует смеяться, потому что это смешно, когда ты смотришь на свои ноги, а они разные.

Однажды в аэропорту, когда мы летели на Черное море, я видела женщину, у которой глаза были на разном уровне. Это было страшно. Я смотрела на нее, пока мама насильно не повернула меня к себе и не сказала: «Прекрати пялиться! Всё от Бога!» А я смотрела, потому что это было необычно, странно, страшно, и еще потому, что рядом с этой женщиной был ее муж, а сама она ждала ребенка, у нее был уже довольно большой живот. И я поняла, что, наверное, мама права.

Отношения с Богом и к Богу у меня очень сложные, потому что я нахожусь между двух враждующих и одновременно любящих друг друга сторон. Одна сторона — мама, главная в нашей семье. Другая сторона — папа с Вовой. Папа — тоже главный, но не во всем. Он тоже может заорать в ответ и часто не соглашается с мамой, но последнее слово — всегда за ней. И не потому, что она кричит громче папы — это на самом деле так, у мамы сильный звонкий голос, но это не самое важное. У мамы — твердые аргументы. А у папы только эмоции. Когда у мамы кончаются аргументы, она выкладывает козырь. Мамин главный и последний аргумент — это Бог. И с этим не поспоришь, потому что доказать, что Бога нет, папа не может. А мама встает на защиту Бога, как скала. И стоит до победы. Победа иногда наступает под утро.

Всю ночь мои родители ругаются, у них хватает сил и задора. Мы с Вовой десять раз засыпаем и просыпаемся — я не так крепко сплю, как Вова, поэтому просыпаюсь чаще и засыпаю труднее, а родители все ругаются. Потому что для папы все мамины аргументы — не аргументы. А для мамы — Бог во всем, и он для нее важнее всего.

Вот так они и живут. Сбоку — Вова, он умудряется не попадать под огонь, а посередине — я. Между Богом и землей, как я для себя это однажды определила. Потому что мама — с Богом, а папа — на земле. А я люблю обоих и, когда слушаю папу, верю ему, а когда слушаю маму — то ей. Папа знает всё или почти всё об устройстве нашего мира. Он учился на инженера и должен был прокладывать трубы, но рабо-

тает водителем в какой-то фирме, развозит товары по магазинам и еще на огромном бензовозе, там работа не каждый день, но зато хорошо платят. Папа понимает, почему перышко медленно летит к земле, а камень быстро, знает все законы физики, астрономии, механики и всегда с удовольствием объясняет, если его спросишь. Мама лишь пожимает плечами, слушая наши разговоры, хотя сама она тоже когда-то училась на инженера, причем вместе с папой. Но ее знания утонули под огромной верой, спасающей ее в любой ситуации.

Моя мама не ходит в длинных платьях, не причесывает волосы, не носит платков — только в церковь. Но строго соблюдает все посты и заставляет соблюдать меня, поскольку больше никого не заставишь. Раньше она заставляла и Вову, но когда у него стали расти усы, он посты соблюдать перестал. Мама так и говорит: «Пока ты не закобелился, мне было с тобой проще». А Вова молчит и усмехается, нашел для себя удобную позицию — он просто молчит. Если я молчу, мама упорно добивается от меня ответа, а Вове дает подзатыльник и... оставляет в покое. Не знаю почему, может быть, больше его любит.

— Кулебина, а ты что расселась? Я же тебя позвала! — Нина Ивановна подняла на меня глаза, и в этих глазах было всё. И усталость от нас всех, и раздражение, и еще что-то, из-за чего я подальше задвинула ноги под стул и даже взялась руками за стол, интуитивно, конечно. Чтобы меня никто с моего места не сдвинул. Потому что аттракцион был обеспечен. Ведь Плужин уже всё проорал. Не все услышали, но некоторые очень заинтересовались.

Я молча смотрела на Нину Ивановну, хоть это было и не просто. Проще было бы сейчас раствориться, исчезнуть, стать маленькой и вылететь в окно. Или спрятаться в своем собственном кармане. Пиджак бы мой синий остался, а меня в нем нет, точнее, я сижу у себя в кармане, и меня никто не видит, никто надо мной не смеется, никто с любопытством не разглядывает мои ботинки. Один нормальный, обычный, черный, похожий на мужской, никакой, средний. А вто-

рой — огромный, на увеличенной подошве. Как будто обычный ботинок взяли и раздули во все стороны. И надели мне на правую ногу.

Я хорошо танцую. И я хорошо пою. Я занимаюсь в детском музыкальном театре. Я играю Герду в спектакле «Снежная королева». Точнее, нет. Танцевала. Пела. Занималась. Играла Герду. Позавчера мама долго разговаривала с нашим хударюком и объясняла ему, почему я не могу заниматься. Я умоляла маму не говорить правду. Сначала она не соглашалась, говорила, что Бог все равно всё знает. Но я ей пыталась объяснить, что Бог — это одно, а наши — это совсем другое. Я так и не поняла, сказала ли мама Валерию Викторовичу правду. Мама отводит глаза, из чего я делаю вывод, что сказала.

Валерий Викторович может заставить сказать правду, потому что он учился на актера и может сыграть вообще всё, что угодно. И Герду, и Кая, и королеву, и зайчика, и разбойницу — всё. А уж вытянуть из моей мамы правду он наверняка смог. Главное, чтобы он теперь не рассказал это всем. Скажем, в назидание. Например, кто-то будет отвлекаться, болтать, сидеть в телефоне на репетиции, а он возьмет и скажет: «Что, захотел, чтобы у тебя ноги были разные, как у нашей звезды? Вот звездила, и теперь где она? Дома кукует!» Он за словом в карман не полезет, он сам так всегда говорит.

Я, конечно, никакая не звезда и никогда не «звездила», но не все были рады, что во втором спектакле подряд я играю главную роль. На каждую главную роль в спектакле Валерий Викторович устраивает «кастинги», мы целый месяц «пробуемся» на роли. Он снимает это на пленку, потом смотрит дома и еще вместе с нами. Смотреть это так смешно, что педагог из соседнего кабинета приходит к нам с возмущенным лицом и строгим выговором, а Валерий Викторович обнимает ее и, что-то нашептывая, уводит обратно к ней в кабинет. Он довольно симпатичный, хоть и немолодой человек, ему точно есть сорок лет. И некоторые наши самые старшие девочки пытаются с ним переписываться «ВКонтакте», хотя видят его на занятиях четыре раза в неделю.

Мы с нашими спектаклями ездили и в Тамбов, и в Тулу, и уже два лета подряд собираемся поехать в Париж. В прошлом году опять чуть не поехали, но продолжилась эпидемия, и наши гастроли отменили. А так бы мы обязательно поехали. Мой папа говорит, что он не уверен, что нас кто-нибудь ждет в Париже с нашими двумя новогодними спектаклями, а мама одергивает его, напоминая, что все равно билеты на самолет такие дорогие, что вряд ли я поеду. Но это всё теперь в прошлом.

— Кулебина? — Нина Ивановна отложила тесты и смотрела на меня. Брови ее, как в цирковом номере у клоуна, ползли и ползли наверх и никак не останавливались.

Я закрыла глаза и представила, что я — в далекой-далекой стране, где все умеют летать. И я сейчас лечу — над морем, легкая, воздушная. Я еще закрыла руками уши, чтобы ничего не слышать.

Я почувствовала, как кто-то толкнул меня в плечо, и открыла глаза. Нина Ивановна подошла ко мне и встала близко. Это такой прием. Трудно не подчиниться, когда учитель стоит рядом и нависает над тобой. Понятно, что он тебя не ударит по-настоящему, не раздавит, не сметет со стула мощной звуковой волной... Хотя — как сказать... Именно Нина Ивановна может и очень громкие звуки издавать, у нее мощный низкий голос. Но сейчас она, пихнув меня, заставив открыть глаза, сказала тихо и вкрадливо:

— Что с тобой? Тебя отвести к врачу?

Нормальный человек на такой вопрос скажет «нет», потому что никакого врача у нас нет, есть фельдшер, человек, которого бояться все. Просто так от него не выйдешь. Он заставит любого раздеться до трусов, чтобы убедиться, что на теле нет сыпи и пятен, говорящих об остром инфекционном заболевании. Если пятен нет, а ты жалуешься на что-то, он заставит выпить большую белую таблетку, которую невозможно проглотить целиком, и прожевать тоже невозможно, она не раскусывается. Никто не знает, что это за таблетка, но давились ею многие.

Еще ходит много разных слухов: кому-то он якобы ставит клизму, — кладет человека на кушетку, говорит: «Ну-ка, пе-

ревернись на живот, нет ли у тебя высыпаний на спине?» и — р-раз! — ставит огромную клизму... Что происходит с человеком дальше — можно спросить у наших мальчиков, они это точно знают, расписывают в деталях, наверное, кто-то из них точно попадал в такую ситуацию. Но кроме огромной клизмы есть и другие страшные вещи. Кому-то он делает укол в плечо, рука синеет или даже чернеет, и потом невозможно неделю поднять руку, кого-то заставляет пить воду, похожую на ту, что из луж пьют бродячие собаки и кошки, вроде как это вода с размешанным углем, а вроде и грязь...

Я была у него только один раз и убежала. У меня в прошлом году заболела голова, я пожаловалась на уроке английского, а учительница возьми и отведи меня к фельдшеру, потому что в тот день все подряд ввали про голову, и ей это надоело.

Я к тому времени про фельдшера уже всё знала. Но когда оказалась вблизи, почувствовала густой запах лекарств, увидела его странное, темно-желтое лицо с большим количеством выбоин и пятен, как будто на его лице пробовали разные техники грима (я видела такие фотографии в Сети), услышала хриплый булькающий голос, то нервы мои сдали.

Он сказал: «Раздевайся!» Я кивнула, наклонилась, как будто чтобы снять туфли. Он стоял рядом, не отходил. Тогда я на самом деле сняла туфли, стала копаться, расстегивать блузку. А он, убедившись, что всё в порядке, отошел к столу, чтобы взять какие-то инструменты — загремел чем-то, залязгал... Зачем нормальному врачу лязгающие инструменты, если ты жалуешься на боль в висках? А я подхватила туфли и рванулась к двери. Конечно, он бросился за мной. Но шансов у него не было, я оказалась гораздо проворнее.

Мы часто в театре делаем такие упражнения — бегаем по нашему залу и ловим друг друга. Валерий Викторович говорит, что это развивает внимание и чувство партнера и что все великие актеры так начинали свою карьеру — часами ловили друг друга на занятиях по актерскому мастерству, вырабатывали «чувство локтя». Фельдшер булькал и хрипел мне вслед, но я, не оборачиваясь, понеслась по коридору, и поймать он

меня не смог. Тогда я еще могла нестись как ветер. А теперь — только представлять, что я перышко и лечу.

Поэтому на вопрос Нины Ивановны, не отвести ли меня к врачу, я помотала головой.

— Не понимаю языка глухонемых, — четко отрезала Нина Ивановна.

— Нет, — ответила я как можно более нормально, чтобы она перестала думать, что со мной что-то не в порядке.

— Хорошо, — кивнула Нина Ивановна.

На мое счастье, она решила провести на этом уроке тест, а тест — это святое, она сама всегда так говорит. Тест отменяет все войны, скандалы, разбирательства. Тест на время примиряет врагов, потому что у Нины Ивановны пересдать нельзя. По всем предметам можно, а по русскому — нельзя. А у нас есть люди, которые и сами убьются за свои пятерки, и других убьют. Как будто от их пятерки зависит будущее планеты, так говорит мой папа. Мы с Вовой учимся на двоих на четыре с плюсом. Когда Вова еще учился в школе, он маме на вопрос «Как оценки?» всегда отвечал: «Три-и-и... четы-ы-ре... пять!!!» И мама смеялась. У Вовы в школе пять было только по физкультуре. А у меня — по математике, несмотря на мое увлечение театром, и еще по литературе, потому что я обычно читаю сами произведения, а не краткое содержание, и Нина Ивановна это ценит.

Мама не очень переживает о наших пятерках, особенно о моих, ее больше волнует, чтобы Вова удержался в своем «универе». Он не смог поступить на бюджет, потому что экзамены в школе сдал плохо. Но нашел «универ», где был совсем низкий проходной балл и небольшая оплата. Туда ездить неудобно и нет общежития, но ему и не надо. Зато есть военная кафедра для тех, кто сможет на нее поступить — пробежит на время, отождется. Вова собирается следующим летом начать тренироваться. Иначе его после учебы заберут в армию. А Вова, по мнению мамы, совершенно не готов взять в руки оружие. Это тоже старый спор мамы с папой.

Папа настаивает, что Вова должен «стать мужиком», послужить, помяться в казарме. Сам папа служил, причем

в морской пехоте, и забыть этого не может. У нас висит папина фотография в форме и раз в год он встречается с товарищами, чтобы «вспомнить, вздрогнуть и обмыть», как выражается папа. Но мама говорит, что времена другие, что всё очень страшно и что папа ради красного словца готов рисковать сыном.

Я понимаю, что истина, как обычно, в их спорах где-то посередине, но середину эту определить не могу. Я знаю, что когда я найду, пойму и сформулирую середину в родительских спорах, я стану взрослой. И тогда уже никто мне не сможет сказать: «Сядь и сиди молча!» или «У нас вообще-то пост, не надо пялиться на мясо!.. Ты забыла, что сегодня среда? Какой еще омлет? Постный день!», или: «Я решила Валерию Викторовичу сказать правду о твоей ноге, зачем лгать хорошему человеку!» Может показаться, что я всё время спорю именно с мамой. Или это так и есть? С папой легче, потому что папа проще относится ко многим вещам и не вникает так глубоко, как мама.

Когда я была младше, некоторые родственники и знакомые родителей постоянно задавали мне два вопроса: кем я хочу быть и кого больше люблю, маму или папу. Наверное, они просто не знали, о чем еще спросить. До какого-то времени я пыталась отвечать, хотя оба эти вопроса очень сложные и очень странные. А потом перестала. Вдруг поняла, что не важно, кем я хочу стать. Вряд ли меня спросят об этом, когда надо будет поступать. И ответить честно, кого я люблю больше, я тоже не могу. Потому что иногда я больше люблю маму, когда меня отсылали летом в лагерь, или родители уезжают на выходные на дачу, оставляют нас с Вовой одних, я с самого первого дня начинаю скучать почему-то именно о маме. А когда я дома, то, конечно, я больше люблю папу, потому что он меня не пилит, не ругает, не заставляет поститься, молиться, не подходит сзади с внезапными проверками и не отнимает телефон на два дня, застав меня с ним в непопознанное время, когда я должна делать уроки.

Хотя у меня в телефоне даже нет Интернета, я могу лишь писать смс Норе Иванян и читать ее длинные, путанные отве-

ты, в которых она рассказывает о своей непростой жизни отличницы и дает мне советы. Я знаю, что она всегда относилась ко мне искренне, когда я всё свободное время проводила в нашем театре и училась так себе, и сейчас, когда я вдруг стала пугалом для наших мальчиков и кошмаром для самой себя, она наверняка будет на моей стороне.

После русского, который закончился как-то неожиданно (почти никто не успел доделать тест, и Нина Ивановна, заранее отругав нас за неисправляемые двойки, которые снизят ей самой зарплату, собрала листочки и выгнала нас из своего класса), ко мне вразвалочку подвалил Сомов.

— Чё это у тебя? — ухмыляясь, спросил он, затянулся, выпустил облачко вонючего, почти бесцветного дымка из ай-коса и поддал носком своей бело-голубой спортивной кроссовки по моему большому черному ботинку.

Я постаралась молча проскользнуть мимо него. Не знаю как, рядом оказался и Плужин.

— Гы-гы-гы! — стал он ржать и показывать на мой ботинок другим мальчикам, как будто на экскурсии. — Зырьте, пацаны!

Их смёл поток старшеклассников, которые стали выходить из соседнего кабинета, а я, подхватив рюкзак, юркнула на лестницу и побежала вниз — насколько я могу теперь бегать в этом уродском ботинке. В уродском, проклятом, чудовищном ботинке, из-за которого я теперь — изгой. Ведь пока ботинка не было, никто ничего не знал. Никто не замечал моего прихрамывания, и оно мне почти не мешало. Так, чуть-чуть — я стала очень быстро уставать — от бега, от танца, просто от жизни. Прошла по улице до школы — устала, взбежала по лестнице — устала... Но всё равно это было гораздо лучше, чем сейчас.

До конца учебного дня оставалось два урока — география и физкультура, от которой я теперь освобождена. Я понимала, что надо развернуться и пойти обратно. Потому что прогулять географию — себе дороже. С нашей географичкой шутки плохи. Один раз в чем-то провинишься — наживешь

себе врага надолго. Причем я знаю, что некоторые девочки умудряются как-то с ней дружить. Шепчутся с ней, переглядываются, улыбаются со значением, когда географичка рассказывает какие-то школьные истории — она обычно всё обо всех знает. Я же не знаю, как к ней подойти, и, наверное, не очень хочу знать, иначе давно бы научилась.

Таисья Матвеевна, наша географичка, — странный человек. Однажды мне приснилось, что она выкалывает мне глаза. И это было не просто так. Таисья может взглядом остановить драку в коридоре или одним словом или вопросом так тебя хлестнуть, что ты долго будешь снова возвращать свое обычное самочувствие и место в классе. Мне пока не доставалось. Иногда она выбирает себе неожиданную жертву. Я пытаюсь понять ее логику — кого же именно она уничтожает и за что. И это не всегда очевидно. За грубость и мат? За «расхлебанный» вид, как она сама выражается? За неподчинение? За нелюбовь к предмету? Но вот Сомова, к примеру, она не трогает. А Сомов откровенно презирает и ее, и ее предмет, и всех учителей вообще.

И при этом Таисья Матвеевна мне нравится. Как это может быть? Я ее боюсь, и она мне нравится. Чем? Я пыталась это понять. Силой, наверное. Она идет по коридору, и от нее во все стороны расходится особое силовое поле. Можно тихо ржать, и строить рожи за ее спиной, и показывать неприличные жесты — так делают некоторые мальчишки, чтобы доказать, что они ее не боятся. И всё равно они тоже попадают в ее поле. И оно их меняет. Шепотом материться и трусливо показывать средний палец, пока Таисья движется по этажу, окидывая зорким взглядом всё вокруг, — это еще не победа. Победа — это выдержать ее взгляд. А взгляда Таисьи выдержать не может никто.

Я встала в углу на первом этаже между поворотом в маленькую учительскую раздевалку и кабинетом ОБЖ, где было тихо, и пыталась убедить себя, что мне нужно пойти наверх и высидеть географию. А что, если Плужин продолжит тему моей ноги и ботинка, и Таисья услышит, заинтересуется? Я не могу сказать, что она меня очень не любит, это будет